

АВТОБИОГРАФИЯ

ФОТО: ШЛОМО БАБИН В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ФОТО: ШЛОМО БАБИН В СРЕДНЕМ ВОЗРАСТЕ

После долгих колебаний о том, что мне следует сделать в свободное время, которое появилось у меня в этом возрасте, я пришёл к выводу, что возможно стоит написать несколько глав из моей жизни и из жизни моей семьи. Мои детство и юность отражают историю моей семьи, прошедшей через вызывающие дрожь тяжелые события, от упомянутых здесь дней второй мировой войны, и до моей репатриации в Израиль. В этой книге я расскажу о моей жизни, которая началась с моего рождения 21.7.1925 года в городе Вышкув, в Польше, у Ицхака и Ривки Бобек.

Когда я был 14-летним мальчишкой, вспыхнула вторая мировая война – факт, изменивший жизнь моей семьи в частности, и жизнь всего еврейского народа в целом.

Посредством этой книги я прошу задокументировать и увековечить рассказ моей семьи о многочисленных муках и страданиях, которые стали результатом гонений на еврейскую диаспору со стороны неевреев – антисемитов.

Эта книга преподносится моей семье и моим близким из желания и надежды на то, что история моей семьи не будет забыта никогда.

Шломо Бабин

СЕМЬЯ

Эту биографию мы начинаем с того времени, когда были живы мы все – блаженной памяти папа; мама; мой старший брат Яков, 16 лет; брат младше меня, Мошэ – Лэйбэль (отец Риты и Светы), которому было 11 лет; и еще самый младший братик, Мендель, 5 лет; моя приёмная сестра Белла, которая была очень любима нами как единственная сестра; моя бабушка, которая проживала с нами и была ослепшей в последние годы её жизни, когда она нашла свою смерть во время ухода её с нашей семьей из нашего города во время прибытия туда немцев; и я, мальчишка 14 лет.

МОЙ ОТЕЦ

ФОТО: ИЦХАК БОБЕК (ОТЕЦ ШЛОМО)

Ицхак Бобек – мой отец, символ нашей семьи. Он является образцом для нас из-за его величия и мудрости, и из-за его деятельности в еврейских организациях – например в фонде «Беспроцентные ссуды», в котором давали

ссуды нуждающимся евреям – там отец служил председателем, и конечно в качестве дипломированного еврейского столяра в нашем городе. В последние годы отец работал мастером в столярной мастерской, большинство изделий которой уходило в Варшаву – столичный город.

Хозяевами мастерской были два брата – инженеры, поляки Марек и Бонек. Часто хозяева мастерской гостили у нас, и конечно, они были впечатлены пищей, приготовленной мамой, особенно фаршированной рыбой. Для них это было нечто новое – они не были знакомы с еврейским образом жизни; и язык идиш они, разумеется, также не знали. Каждый их визит был отмечен подарками; однажды я удостоился получить от них наручные часы «СИМА» (Швейцария) в честь моего бар–мицва (религиозное совершеннолетие; для мальчика –13 лет).

Папа не посвящал нам много времени, так как он всегда был занят чертежами изделий, которые эти инженеры оставляли у нас. Еврейское время было в субботу, когда он освобождался от всех его дел; тогда мы шли в синагогу вместе с ним, а младший братик по своей привычке держался за талит отца (талит – молитвенное покрывало прямоугольной формы). Евреи в этой синагоге всегда завидовали папе на то, что четверо его сыновей находятся вместе с ним, чтобы проводить каждую молитву. Помнится мне, что один из молящихся спросил у папы: «Как ты это делаешь, ведь у меня есть семеро сыновей, и ни один из них не находится здесь со мной?». Сегодня я определяю это как дисциплина – та дисциплина и те ценности, которые были усвоены мною и моими братьями в то время.

МОЯ МАТЬ

ФОТО: РИВКА БОБЕК (МАТЬ ШЛОМО)

Ривка Бобек – моя мать; её роль в семье была самой тяжёлой. Образцовая примерная хозяйка дома, она работала очень тяжело для того, чтобы можно было подарить каждому из её детей много внимания, и в то же время заботиться о домашнем хозяйстве – еда вовремя, порядок и чистота в доме, стирка и покупка предметов потребления, которые иногда были сделаны ею в самых тяжёлых условиях.

Переноска воды домой была возложена на моего старшего брата и на меня – задание, включавшее в себя подъём воды из колодца и таскание её по возвращению к дому, который был на большом расстоянии от колодца.

МОЙ СТАРШИЙ БРАТ

Яков (Янкель) Бобек – был очень талантливым юношей. Он окончил народную школу, и должен был продолжить обучение в профессиональном училище. Однако из–за антисемитизма, ускоренно нараставшего в те дни, Яков не был принят в училище, и поэтому начал помогать отцу в мастерской с лета 1939 года. Начиная с зимы 1938 – 39 года эта мастерская была во дворе

нашего дома; там наш отец и ещё два работника изготавливали мебель, и там мой старший брат учился столярному ремеслу. Все мы знали, что мой старший брат одарён большим талантом; уже тогда он строил модели домов и миниатюрную мебель. Вершиной его творения была скрипка, которую он собственноручно построил, и при помощи которой он обучался играть – вначале собственными силами, а затем у клезмера (клезмер – исполнитель еврейских народных мелодий).

Его талант всегда был в созидании. Я стеснён тем, что нет у меня хотя – бы одной его фотографии, и все мои усилия по розыску – например, поиски его фотографии у моей родни в Аргентине – закончились ничем.

МОЙ МЛАДШИЙ БРАТ

ФОТО: МОШЭ ЛЭЙБЭЛЬ БОБЕК (МЛАДШИЙ БРАТ ШЛОМО)

Мошэ Лэйбэль – мой брат, младше меня на три года. В отличие от меня и моего старшего брата, он был шаловливым; мы получали немало жалоб от его учителей на его поведение; но этот факт не влиял на его высокие оценки. Слыша эти жалобы, папа успокаивал нас, говоря, что он ещё будет успешнее, чем мы оба. Доказательство этого не замедлило явиться, на мой взгляд, в том, каким образом этот мой брат преодолел события и потери, встретившие нас из-за той войны, о которых я поведаю в продолжении этого повествования.

Его мужество пришло к нему через обстоятельства жизни. Например, в одном из случаев, он не позволил мне отвезти нашу маму на санках в больницу для оказания ей необходимой медицинской помощи (на расстояние 23 километров!); на следующий день без квалифицированной врачебной помощи моя мама, к нашему прискорбию, скончалась в местном медпункте в возрасте лишь 35 лет. После смерти мамы Лэйбэль вернул её тело в наш барак для погребения.

МОЙ МАЛЕНЬКИЙ БРАТИК

ФОТО: МЕНДЕЛЬ БОБЕК (САМЫЙ МЛАДШИЙ БРАТ ШЛОМО)

Мендель Бобек – самый младший из братьев; он был примерно 4 лет, когда вспыхнула война. Уже в своём детстве он доказал доброту своего сердца, свою преданность и зрелость тем, как он помогал нам ухаживать за мамой вследствие её болезни.

*ФОТО: МОЙ ОТЕЦ И ЕГО ТОВАРИЩИ ИЗ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО
ФОНДА «БЕСПРОЦЕНТНЫЕ ССУДЫ»*

ВОЙНА И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ

Помнится мне, что отец в тот период чувствовал себя странным и чужим

из-за ускоренного нарастания антисемитизма на земле Польши. В беседах, проходивших между родителями, говорилось об эмиграции в Аргентину – вначале отец, а затем мы. Два моих дяди, которые уже долгое время проживали в Аргентине, действовали в пользу этого дела, чтобы выслать папе визу. Я не знаю, что было бы, если бы удалось осуществить его желание; возможно, он остался бы живым, а вместе с ним весь остаток семьи.

В том 1939 году, 1 сентября, в пятницу, мама встала рано утром ради магазина, для встречи субботы, и по дороге за покупками натолкнулась на первый взрыв недалеко от дома, в котором мы проживали. Также и мы в доме проснулись от силы этого взрыва.

Перепуганная мама вернулась домой, а папа, который должен был выйти на работу, решил остаться с нами дома. Он объяснил нам всем в доме, что вспыхнула война, и, может быть, его мобилизуют в армию, и мы будем вынуждены заботиться друг о друге, всегда быть на связи, и не терять один другого.

Первым делом папа потребовал, чтобы мы заучивали до усталости все жизненно важные адреса, главным образом адреса за границей; один адрес остался в моей памяти до сегодняшнего дня – факт, который помог мне в будущем (об этом я расскажу в продолжении повествования). Эти бомбардировки продолжались каждый день, и вызвали множество потерь, главным образом среди еврейского населения, которое в основном было сосредоточено в центре города.

Одной из этих бомбардировок был разбит еврейский дом, и там было убито более тридцати человек, которые находились в подвале этого дома. Помнится мне, что папа вместе с моим старшим братом побежал к этому месту, чтобы спасти людей из этого подвала; папа вернулся хриплый от больших усилий, грязный, и со слезами на глазах рассказал нам, что ни один из находившихся в этом подвале не был спасён. Самая большая бомбардировка была на четвёртый день войны; наш город горел, и папа изо всех своих сил бегал спасать людей и гасить пожары.

Польская армия отступала через мостовой переход над рекой Буг ради спасения Варшавы, столицы Польши; после этого поляки взорвали этот мост, чтобы затормозить немцев.

На седьмой день войны германская армия вторглась в наш город, уничтожая людей, преграждавших ей дорогу; была большая паника; люди теряли один другого; также и мы спрятались в одном из домов, который начал гореть в результате продолжавшегося сражения.

Мы были в подвальном помещении лежащими на полу, когда в перерыве стрельбы мы второпях поспешно вышли оттуда, чтобы перейти в наш дом; вся наша семья спряталась во дворе.

Пришли немцы, и приказали нам поднять руки вверх; тут же один из них выстрелил в бабушку; они подожгли наш дом вместе с бабушкой, тогда как нас арестовали, и привели на место в одном из предместий нашего города. Концентрация людей там была очень велика; немцы, ехавшие верхом на лошадях, до вечера вели нас, сотни людей, женщин, детей, старых и малых,

и быстро гнали нас по пескам по направлению за город.

По дороге погибло немало людей из тех, которым трудно было идти; и так мы шли всю ночь до рассвета, пока не прибыли на пустынное незаселённое место.

Утром на рассвете через громкоговоритель раздался приказ всем мужчинам выйти и сосредоточиться на площадке, а затем построиться в колонну по – четыре. Мой старший брат присоединился к нашему отцу, так как он не хотел, чтобы папа ушёл один; так и не простившись, папа сказал мне остаться с мамой и с двумя младшими братьями.

Немцы объявили нам, что всех этих мужчин они забрали на работу; мы оставались на этом месте в печали до вечера; тогда они освободили нас, и сказали, что мы должны идти в том же направлении, в котором увели наших родственников – мужчин. Это странствование было тяжёлым – от деревни к деревне; и местные неевреи протягивали нам немного пищи от большого милосердия; они были хорошими людьми, и они объяснили нам, как добраться до города Пултуск.

Так, скитаясь без сна, странствовали мы, усталые, до города Пултуск; там я случайно встретил нашего соседа – нееврея. Подойдя к нему, я спросил его о судьбе моего отца и старшего брата: «Ведь ты был в одной группе с моим отцом, какова его судьба?». Поначалу он не хотел ничего мне рассказывать, но, в конце концов, рассказал мне, что немцы сказали всем, кто нееврей, выйти; было малое количество людей, которые вышли, и мой сосед был среди них.

Оставшиеся евреи в количестве 280 человек были расстреляны руками немцев; наш сосед даже не потрудился отметить название этого места, которое вырезано из камня в моей памяти до сегодняшнего дня.

Эти скитания продолжались до места рождения моего отца, города Сероцк; там проживала сестра моего отца. Она была вдовой, и жила в нужде; мы не смогли получить необходимую нам помощь, и поэтому продолжили идти к городу Насельск. Там тоже была у папы сестра, замужняя, с двумя детьми; и они посоветовали нам продолжать идти в Варшаву, а оттуда по направлению к русской границе (на восток).

Мы сели на поезд, который ехал до станции Малкин на реке Буг, на границе с Россией (ныне это Малкия – Гурна, Польша).

Мост через реку Буг в том месте также был ранее взорван; поэтому мы были вынуждены перебираться на другой (русский) берег этой реки либо вплавь, либо на лодке, принадлежавшей неевреям, взимавшим плату с пассажиров за переправу посредством этой лодки. При обысках, проведенных немцами, у нас ничего не было найдено. Мама спрятала в своих волосах золотые кольца и цепочки, а я сам без принуждения спрятал во рту часы (те самые часы, которые я получил на бар–мицва благодаря добрым делам моего отца). Немцы от большой злобы швырнули меня в воду; из-за этого падения у меня был разбит нос; но благодаря этому нам удалось переправиться на другой берег реки, на русскую сторону. Там нам оказали первую помощь, а мне была оказана также и медицинская помощь.

Вновь мы начали странствовать – до города Белосток; там сосредоточились беженцы, которые бежали от немцев. Всю зиму мы пробыли в синагоге; спали мы на скамьях в тесноте и скученности; поесть мы получали суп и хлеб. Самой трудной задачей было успокоить маму в её тревоге за папу и за нашего старшего брата, поскольку только я и мой младший брат знали правду – отца и старшего брата уже нет в живых.

В бытность нашу в городе Белосток я беседовал с моим братом, и мы были согласны в том, что я пойду искать работу; мои поиски ни к чему не привели, и поэтому я обратился к другой альтернативе. Я подготовил коробку, наполнил её конфетами, и продавал их по 10 грошей за штуку. Не помню, сколько точно времени я занимался этим, но это продолжалось до лета 1940 года. Город Белосток был тогда наводнён десятками тысяч беженцев, и местные евреи не относились к нам в вежливой форме, а временами даже с неприязнью.

Так было до тех пор, пока к нам обратились местные власти, и у нас спросили – хотим ли мы вернуться на немецкую сторону, или мы желаем гражданства России; разумеется, мы выбрали вторую альтернативу.

Прошло немного времени, и русские устроили широкое прочёсывание местности в каждом городе, и собрали всех беженцев грузовиками к поездам. Мы поднялись в вагоны, которые использовались для перевозки скота; была большая давка и теснота. Трудно выразить словами все тяготы и страдания этой поездки; отмечу лишь то, что мы не были снабжены ничем – ни пищей, ни водой; лишь на следующий день нас снабдили солёной сушёной рыбой (воблой), и хлебом.

На протяжении всей поездки мы стучали в двери вагонов с просьбой воды; на одном из перегонов поезд был остановлен, и нам дали возможность спуститься из вагонов и наполнить водой всю посуду, которую мы взяли с собой.

По дороге было много станций, и на каждой станции мы могли спуститься из вагонов под тщательной охраной, до тех пор, пока мы прибыли к месту, на котором была какая – то речка; мы переправились через неё на плотках на другой берег, а оттуда на грузовиках – в тайгу, в район Архангельска. Весь путь от Белостока до нынешнего места, в котором мы оказались, продолжался приблизительно полтора месяца.

Сразу же, с первого взгляда нас охватил страх от окружающей природы – леса, и небеса, которые не давали нам заснуть; мы не знали значения и сути этого явления; лишь впоследствии нам стало известно, что это были белые ночи, присущие этому району ежегодно с июня по август. Жильё наше было в деревянных бараках; каждая семья получила комнату, оборудованную русской печкой, столом, матрацами, и кроватью со мхом и клопами, о существовании которых мы не знали до того момента.

Ночами мы не могли спать в результате укусов и чесания до крови, которые причиняли нам комары и разного рода насекомые.

Днём были мухи размером с пчелу, которые кусали через одежду (по-русски их называют слепень). Все эти три месяца были незабываемым летом,

наполненным страданием.

В сентябре начался дождь без перерыва, днём и ночью, до тех пор, когда пришёл снег и мороз, достигавший 56 градусов ниже нуля.

Мужчины и женщины работали на рубке деревьев в лесах (на лесоповале). Наша мама вместе с ещё двумя женщинами получила работу по черпанию воды; они работали целый день до тех пор, пока большая бочка была полностью наполненной.

Для мамы это было очень тяжело; она очень ослабела; с ней случился первый приступ болезни, которую она получила из-за множества мук и страданий. Врач, который был с нами, доктор Франк из Варшавы, самый известный в Польше, установил, что мама больна язвой желудка.

Препаратов для лечения язвы желудка там вообще не было, но мы, трое детей, делали всё, что можно сделать для мамы.

Мой младший брат, которому тогда было 6 лет, пошёл в детский сад, организованный в то время. Достоверно неизвестно, в каких условиях дети были в этом детском саду; и, тем не менее, он знал, что мама нуждается в поддержке. Ту порцию еды, которую он получал в этом детском саду, он прятал в карманы – эта порция была предназначена маме! Никакой поддержки или помощи мы не получали ни от кого вплоть до того дня, в который скончалась наша мама, 2 января 1941 года.

ЖИЗНЬ БЕЗ МАМЫ

Местные власти сочли правильным установить надзор (опеку) над нами, чтобы мы не пропали в результате последовательности трагических событий, постигших нас в то время.

Мы отсидели «Шива» (семидневный траур по умершей), а евреи из нашего окружения организовали миньян (не менее десяти мужчин для молитвы), чтобы мы смогли прочесть «Кадись» (заупокойная молитва скорбящих родственников). «Несчастные дети» – это было то имя, которое мы получили от местных. Были евреи, которые очень помогли нам, подобно доктору Франку, который также потерял свою жену (она была похоронена бок–о–бок с нашей мамой).

Был с нами также доктор Маргалит, очень известный юрист, который время от времени давал нам юридические советы – это очень помогло нам выстоять и не смириться в принципе с тем, что нас хотели забрать в сиротский приют, и так это было. Человек, который более других людей помогал нам, был нееврей. Он из милосердия предложил мне работу за пропитание (за еду), и мы могли продвигаться вперёд. Работа состояла в перевозке воды посредством коня, впряжённого в телегу, нагруженную бочкой, вмещавшей 24 ведра воды.

Перевозка была в основном в пекарню и в столовую – туда, где мы покупали еду.

Эта помощь, которую мы получали от них, была очень большой. Например, такой факт: они не хотели брать денег, которые приносил мой 12–

летний брат за порции пищи для нас; и когда он стоял у кассы заплатить за эти порции, то они не хотели взимать плату с брата. Они настаивали на том, что мой брат должен пройти на кухню и получить пищу бесплатно. Однако мой брат и я согласились не брать бесплатно ничего, и так мой брат вернулся с пустыми руками. Прошло немного времени, и управляющий кухней пришёл грустный, обнял моего брата, и спросил: «Как это ты обманул меня? Пошли со мной!». И так забрал управляющий его с посудой в руках и сказал: «Ты заплатишь за одну порцию, и не больше!». Разумеется, что на кухне эту посуду наполнили так, что поместилось несколько порций.

Также и в пекарне ответственный работник всегда заботился обо мне. Он приготавливал для меня «калач» (нечто вроде большой булки), о котором он говорил мне: «Кушать!», в то время, пока он выливал воду через водопроводную трубу, которая была установлена у него прямо внутри бочки. Когда он вернулся и взглянул на меня, то спросил, почему я не ем; я ответил ему, что съем это вместе с моими братьями. Тогда он дал мне ещё несколько калачей, и сказал: «Это – для них, а теперь – ешь!».

Я с благодарностью признаюсь в том, что благодаря этим людям мы выжили и уцелели.

В один из дней, в ходе моей работы по транспортировке воды, я был травмирован, когда конь был чем – то напуган и понёсся вскачь. Моя правая нога натолкнулась на корень дерева; я вернулся домой с распухшей ногой. Заведующий кухней, который был также и врачом, доктор Гольдштейн, очень помог мне разного рода компрессами, которые были сделаны из растений, произрастающих в местных лесах. В те дни, когда я был дома, меня заменял мой брат (12–и лет). Я по сей день не могу забыть могучую и редкую силу его желания – в разгар зимы – стать и быть способным выполнять мою работу на моём месте. Когда я выздоровел и вернулся на работу, то между нами вспыхнул спор, так как он требовал дать ему часть этой работы; и из–за того, что я не согласился, он пошёл и нашёл работу выводить из конюшни лошадей, чтобы смогли вычистить их стойла.

В тот долгий период мы не получали никаких сведений и новостей. Нам стало известно о войне, вспыхнувшей 22 июня 1941 года тогда, когда начали мобилизовать в армию значительное количество местных людей, военнообязанных, а также молодых лошадей.

В ходе этого времени прибыла польская делегация, которая была основана в России, и на встрече с ними нам сказали, что нас собираются освободить. Доктор и юрист Маргалит вышел оттуда прямо в польскую армию как доброволец и как старший офицер; мы не успели даже попрощаться с ним, и мне до сегодняшнего дня неизвестно, что произошло в его судьбе.

Пришёл день освобождения, и мы выбрали уехать в город Ульяновск, что на реке Волга. Денег на билеты на поезд у нас не было, и всё-таки из–за того, что мы были сиротами, нам дали возможность ехать бесплатно, вновь из жалости и милосердия к нам. Не секрет, что прошли недели с тех пор, как мы мылись в последний раз, и этот факт привёл нас к грязи и к изобилию вшей.

Когда мы прибыли в Ульяновск, у нас не было к кому обратиться, и мы

повернули на главную улицу, которая называется имени Гончарова. Мы присели там; через малое время мы поднялись и спросили у людей, куда нам обратиться. Люди предложили нам обратиться в ГОРОНО (городской отдел народного образования) – учреждение, занимавшееся вопросами и проблемами детей. Это было недалеко от того места, где мы сидели.

Мой младший братик остался один с нашими вещами. Мы поднялись наверх, и как только дверь открылась, к нам обратилась женщина и спросила, где наши родители. Мы сказали ей, что наших родителей уже нет в живых, и она велела нам идти вместе с ней. Я сказал ей, что у меня внизу есть ещё самый младший брат. Мы спустились с ней к моему братику; подойдя к нему, мы увидели вокруг него мелкие деньги и куски хлеба, которые люди давали ему из жалости.

Эта женщина, с которой мы пошли, Ольга Васильевна Курдюмова, разрыдалась, схватила моего маленького братика, и подняла его с тротуара. Она обняла его, замёрзшего из-за холода, который тогда наступил в этом городе. Мой средний брат и я собрали наши вещи, и пошли за ней наверх. Придя наверх, первое, что она сделала – дала нам поесть; женщины, работавшие в этом учреждении, сделали всё, что нужно было для нас.

Ольга объяснила, что мои братья будут взяты в дом для сирот (детский дом), в то время как я пойду жить у другой женщины, служившей в этом учреждении, по имени Дилюса. У меня была лишь одна просьба – чтобы я был недалеко от этого места, и мне обещали, что так и будет сделано. Мои братья были забраны прямо в детский дом; там вымыли и вычистили их тела, сбрили наголо их волосы, и уничтожили дезинфекцией вшей.

Мои братья были устроены в детский дом, в коллектив детей – сирот, которые очень пострадали из-за блокады Ленинграда, детей, чьи родители умерли в ходе войны.

Трудно представить вид этих детей, которые иногда выглядели как ходячие скелеты; часть из них не выжила в этой войне. В ходе моих визитов к моим братьям мне открылась большая помощь, которую они давали этим детям, затруднявшимся даже стоять на своих ногах.

Кровопролитная война продолжалась; множество раненых, нуждавшихся в медицинской помощи, прибывали в город Ульяновск, и госпитализировались в больницы.

Мой брат, Мошэ Лэйбэль, был мобилизован для этой цели. Сразу после утренних занятий в школе Мошэ ходил в госпиталь ухаживать за ранеными. Его добросовестная служба была известна всем, кто был знаком с ним.

Мой самый младший брат Мендель также вносил свой вклад в общее дело тем, что он выходил в группе детей для переноски туда картофеля для еды. Он, семилетний мальчик, помогал даже мне тем, что давал мне его порцию хлеба, говоря, что он уже наелся картошкой и поэтому не голоден.

Я был устроен у Дилюсы; детей у неё не было; её хромой муж пребывал дома; а ещё у них был пёс по кличке Федя. Когда я приходил домой, их обязанностью было закрыть пса, чтобы он не заметил меня.

Они также устроили меня на работу в мастерскую, в которой работали два

пожилых мужчины и одна женщина, которые были хорошими столярами; у них я научился столярному делу.

Более других мне запомнился один пожилой мужчина 82 лет, который принял меня с распростёртыми объятиями. Он обучал меня, как стоять правильно и прямо, не горбясь. Не раз он делал мне нагоняй, чтобы я берёг свою спину; каждое движение, которое я делал, удостаивалось его непрерывного постоянного надзора.

Также и я, со своей стороны, делал ради него всё, что было в моих возможностях. В один из дней он пригласил меня сходить в деревенскую баню, разновидность сауны. Это было зимой; холод тогда царил снаружи, а внутри была ужасная жара. Моей обязанностью было «колотить» его ветками, похожими на небольшой веник до тех пор, пока он не стал весь красным; тогда он вышел наружу и остудил себя в снегу, а затем вернулся, и всё сначала. Я, который не был привычен к этому, чуть было не задохнулся. Мы вернулись в мастерскую, и первым делом было приготовление трапезы, состоящей из хлеба и картошки, которая отваривалась в посудине, в которой мы обычно разогревали столярный клей. Посудина с клеем была внутри посуды с водой; и в эту нижнюю посудину с водой он уложил картофель с кожурой. Он предложил и мне картошку, и я не возражал, так как я был всегда голоден.

В один из дней я заметил в мешке, подвешенном под потолком, дыру, из которой выпрыгивали крысы с украденными сухарями. Я сделал вид, что ничего не заметил, чтобы кто-нибудь не подумал, что это я сделал такое.

Приблизительно два года я там проработал, вплоть до кончины этого старика, которая привела к закрытию столярной мастерской.

В учреждении ГОРОНО мне предложили идти работать в школу на ремонт и на техническое обслуживание; так я и сделал, и был принят на работу. Я был там очень доволен хорошим отношением ко мне, пока не был вызван явиться в армию; тогда наиболее трудным заданием была разлука с моими братьями, которые пребывали в детском доме (доме для сирот).

ФОТО: ШЛОМО ВДВОЁМ С САМЫМ МЛАДШИМ БРАТОМ МЕНДЕЛЕМ

МОЯ «МОБИЛИЗАЦИЯ» В ПОЛЬСКУЮ АРМИЮ

Проверки, через которые я проходил, прошли успешно, и из-за польского гражданства я был должен призываться в польскую армию, которая была создана в России.

В конце концов, я был освобождён от призыва из-за параграфа, который гласил о том, что запрещён призыв евреев в польскую армию. Но призывная комиссия не уступила мне, и направила меня на повторное рассмотрение, но уже не как бойца, а как рабочего (то есть, как нестроевого). Разумеется, я примирился с такой судьбой, и расхаживал грустный среди остатка призывников, которые были в большинстве старыми. Неожиданно я услышал голос, донёсшийся позади меня, называющий меня по имени. Когда я

повернулся назад, то увидел военного, полковника; его фамилия была Никифоров; я познакомился с ним ранее. Его жена работала в школе; она была учительницей в той школе, в которой я работал столяром. Моя должность была откликаться на просьбы учителей, когда они хотели что –нибудь.

Для его жены я изготовил скалку для приготовления теста, принёс эту скалку ей домой, и так познакомился с её мужем. Её муж позвал меня подойти к нему. Я подошёл к нему, и он спросил меня, как мои дела здесь. Я ответил, что пришла моя очередь быть мобилизованным в армию. Любопытные вокруг меня хотели услышать, о чём мы говорим; он увидел это, и крикнул: «Солдат, смирно! Равнение прямо!». Услышав этот крик, любопытные разошлись. Он тихо спросил меня, согласен ли я с этим призывом. Я сказал ему, что меня беспокоит то, что мне невозможно разлучиться с моими братьями – сиротами, и оставить их одних; ведь мы бежали из Польши, и здесь у нас ни родни, ни друзей. Когда он услышал это, то прошептал мне, что он член призывной комиссии, и когда меня вызовут, я должен всё это рассказать членам комиссии, а обо всём прочем он сам позаботится.

Когда огласили моё имя, я предстал перед лицом членов призывной комиссии, и они с радостью приняли меня (наконец – то к ним прибыл молодой призывник!). Я ответил на все их вопросы, и рассказал им про мои нынешние обстоятельства. Воцарилось полное молчание, которое было нарушено Никифоровым; он встал и сказал, что он осведомлён обо всех моих трагических обстоятельствах. В свете этих обстоятельств он рекомендует оставить меня в месте, близком от моих братьев, чтобы я мог продолжать заботиться о них; его рекомендация была единодушно принята.

Я больше не вернулся в ту школу, где я работал; я работал на другом месте, и был занят обслуживанием семей старшего офицерства; оттуда меня уже не забирали в армию.

На этом новом месте работы я произвёл на всех хорошее впечатление, и получил там относительно хорошие условия вплоть до окончания войны. Я могу сказать, что это была моя первая улыбка от радости, свидетелем которой я стал впервые за все эти годы!

КОНЕЦ ВОЙНЫ И РАЗЛУКА С БРАТЬЯМИ

В 1946 году вышло сообщение о том, что каждый, кто заинтересован, может вернуться в Польшу. Я провёл семейный совет с моими братьями, которым на тот момент было 12 и 18 лет. Мы решили не возвращаться в антисемитскую Польшу; но мы пришли к согласию в том, что мне нужно всё – же вернуться в Польшу, чтобы посмотреть: быть может, кто –нибудь из наших родных остался в живых. Правду говоря, я тоже хотел остаться в России; не было во мне желания вернуться в Польшу. Но я уже был человек взрослый и одинокий, и была у меня боль о каждом событии, случившемся с нами; и эта боль заставляла меня вернуться ради установления

местонахождения наших родичей.

Расставание с братьями было очень тяжёлым. Мы, возвращавшиеся, вернулись в Польшу товарным поездом до Нижней Силезии, которая принадлежала в прошлом Германии.

В Польше был большой антисемитизм, и нам, вернувшимся евреям, пришлось искать другой выход. Первым делом я написал письмо моему дяде, который жил в Аргентине. Я помнил его адрес, так как мой отец, как я уже упоминал ранее, потребовал от меня, как только вспыхнула война в 1939 году, вызубрить на память важные адреса, и так мы начали переписываться. Мой дядя хотел, чтобы я приехал к нему, он даже был готов выслать мне визу ради этого. Однако я отказался, поскольку в это же время начали создавать кибуцы, которые принимали множество молодёжи и стимулировали переезд в Израиль. После погрома в Кельце, в котором поляками были убиты евреи, был очень большой стимул и желание переехать в Израиль (4 июля 1946 года в польском городе Кельц поляки убили около 50 евреев, в том числе детей и беременных женщин, и ранили более 50 евреев).

С помощью Еврейского агентства «СОХНУТ» и посланцев – добровольцев из Израиля началась тайная нелегальная перевозка евреев из Польши в Чехию, а оттуда – в Австрию. Австрия в то время была разделена на четыре оккупационные зоны: американскую, английскую, русскую и французскую; самыми трудными были две зоны – русская и французская. Как беженцев, нас научили, что сказать, и что не должно быть сказано неевреям, которые управляли в этом месте. В нескольких «благоприятных» случаях я был избит французскими солдатами в ответ на мои попытки к бегству из их зоны оккупации, до тех пор, пока на шестой раз мне удалось спастись и добраться до Италии. Отношение итальянцев к нам было добрым и сочувственным, и они помогали нам всем тем, в чём мы нуждались.

В 1947 году было получено решение ООН от 29 ноября о создании Еврейского государства, а 2 декабря того же года мы участвовали в самой большой еврейской демонстрации в Риме. В составе большой толпы евреев мы прошли через Триумфальную арку Тита в Риме, через которую было запрещено проходить евреям вплоть до этого времени. (Триумфальная арка Тита была построена в Риме после того, как в 70 году нашей эры войска Тита разрушили Иерусалим. Для евреев эта арка 19 веков была символом рабства).

ФОТО: Я И МОИ ТОВАРИЩИ В АВСТРИИ

*ФОТО: «ВИЛЛА СИЗЕРОНЕ» – В ЭТОМ МЕСТЕ Я БЫЛ В ИТАЛИИ
ВМЕСТЕ С ТОВАРИЩАМИ – «КИБУЦНИКАМИ»*

ФОТО: В ЦЕНТРЕ ПОДГОТОВКИ И ОБУЧЕНИЯ В ИТАЛИИ, КАК СТОЛЯР

*ФОТО: Я, В ЦЕНТРЕ ФОТОГРАФИИ, В ХОДЕ ДЕМОНСТРАЦИИ И
ПРОХОДА ЧЕРЕЗ ТРИУМФАЛЬНУЮ АРКУ ТИТА В РИМЕ, ПО СЛЕДАМ
ДЕКЛАРАЦИИ ООН ОБ ИЗРАИЛЕ ОТ 29 НОЯБРЯ 1947 ГОДА*

ПОПЫТКА РЕПАТРИАЦИИ В ИЗРАИЛЬ

В то время в Израиле начались военные действия арабских стран против еврейских поселений, героически противостоявших этой агрессии.

Для переезда в Израиль я должен был присоединиться к кораблю с нелегальными еврейскими репатриантами в Палестину. Мы отплыли, и в течение 12 дней держали курс на Хайфу, до тех пор, когда внезапно, в открытом море, мы были обнаружены тремя британскими военными кораблями. Британские солдаты захватили наше судно. Один из солдат прыгнул на меня и сбил меня с ног; я не мог пошевелиться, и дрожал от страха много времени; но, благодаря подруге, которая преданно заботилась обо мне, я смог выйти из этой ситуации.

На этом судне было свыше 800 нелегальных репатриантов, и после продолжительной борьбы мы были вынуждены сдаться и перейти на британские корабли, которые забрали нас на Кипр. Ночью мы успели увидеть на небольшом расстоянии от нас освещённую огоньками Хайфу. Судьба моего «кибуца» была арестована в концентрационном лагере на Кипре. Там нас присоединили к 26000 нелегальных еврейских эмигрантов, которые уже пребывали на этом острове.

Условия пребывания в этом лагере были очень тяжёлыми, в особенности тяжёлая изнурительная жара, царившая там. Мы проживали в жестяных импровизированных бараках, в которых было очень тяжело дышать из-за недостатка воздуха и тяжёлой жары.

Эти лагеря были ограждены двойными заборами – ограждениями, и британцы стояли на сторожевых вышках. На первом этапе нам нужно было научиться у старожилов лагеря, чтобы узнать ход и порядок лагерной жизни. Продукты мы получали в централизованном порядке у британцев. Женщины были заняты варкой пищи и стиркой, а у меня были инструменты, чтобы изготовить ванну. Первую мою ванну я сделал из жести при помощи молотка, который я изготовил из ножки железной кровати. Приготовление пищи производилось посредством принадлежностей, которые мы получали у британцев; нагревание производилось посредством нефти; всё делалось в самой примитивной форме. Я и ещё один товарищ, также столяр, основали нечто вроде мастерской для изготовления различных изделий. Поначалу это были рабочие инструменты; и, как сувенир на память, есть у меня до сих пор рубанок, который я изготовил, а также пила, которую побеспокоились передать нам посланцы из Израиля. Со временем мы усовершенствовались, и начали делать деревянные шкатулки и альбомы для фото, обрамлённые местным кипрским камнем, мягким, и потому лёгким в обработке.

ФОТО: Я НА ФОНЕ ЗАБОРА ИЗ КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКИ В ЛАГЕРЕ НА КИПРЕ

ФОТО: МОИ ТОВАРИЩИ ПО УЧЕНИЯМ ОТ ОРГАНИЗАЦИИ «ХАГАНА», КОТОРЫЕ МЫ ПРОХОДИЛИ В ЛАГЕРЕ НА КИПРЕ

(«ХАГАНА» – «ОБОРОНА» – еврейская военная организация во время правления британцев в Палестине; в дальнейшем «ХАГАНА» стала основой для создания ЦАХАЛ – армии обороны Израиля).

Британцы не вмешивались в наши дела в лагере; было самоуправление, которое избиралось еврейской общественностью, так же как и законы и дисциплина, управлявшие нами в лагере. Был также глава службы безопасности (руководитель службы порядка лагеря, выбиравшийся из числа евреев). Был призыв в ряды обучения и тренировок, таких как: полевые учения, поддержание чистоты и порядка, дзюдо, курсы инструкторов в различных областях; я также принимал участие в них. Также работали отделения различных политических партий – их было немало – левого и правого направлений; временами разделение во мнениях приводило к драке.

Известия об Израиле мы получали через громкоговоритель, который был на одной из вышек, и через него мы получили весть про решение ООН о создании государства Израиль, факт, который чрезвычайно обрадовал нас.

Приближалось время нашего освобождения, а также приближалось время нашего призыва на дело обороны государства Израиль. Британцы задерживали выход евреев из лагеря, и тем самым вызывали наши демонстрации вдоль заборов лагеря. Газеты на Кипре посвятили нашему делу множество публикаций – фактор, который, разумеется, содействовал нам на пользу. В это же время в Израиле шли тяжёлые бои против арабских государств; ООН оказывала давление в пользу прекращения огня, которое много раз было нарушено арабами.

Временное правительство Израиля действовало ради освобождения евреев, заключённых на Кипре, через сверхдержавы того времени – действие, которое в конце концов привело к нашему освобождению и к нашей репатриации в Израиль. Так пришла к концу глава истории на Кипре.

РЕПАТРИАЦИЯ В ИЗРАИЛЬ И ПРИЗЫВ В ЦАХАЛ

С нашим прибытием в Хайфу немедленно начался призыв в армию. Я был приведен к присяге и одет в военную форму, как и каждый призванный в армию. С призывом я получил и пожертвование – помощь от Еврейского агентства в размере пяти лир, что было немало в то время; а от армии я получил четыре дня отпуска. В первый день отпуска я поехал в Тель–Авив по адресу подруги, проживавшей в доме первопроходцев в Тель–Авиве; наша встреча была в радости, разбавленной грустью; а на следующий день я вернулся в военный лагерь; там я получил еду и место для ночлега.

Курс молодого бойца я прошёл в окрестностях Кармеля, и после этого я был отправлен на север страны, в Метулу. Я был дисциплинированным солдатом, и выполнял все мои обязанности. Оттуда я был послан в Иорданскую долину; там шли бои с иорданцами. Я очень уважал командира роты капитана Марселя Тобиаса, который был для всех нас не только командиром, но и отцом (Марсель Тобиас – легендарная личность, австрийский еврей, один из основателей парашютно – десантных войск

ЦАХАЛ). Тобиас приказал мне оставаться в его распоряжении. Захват и изоляция выполнялись внезапным броском и атакой ударного штурмового подразделения – тактика, которая привела нас к победе; атака начиналась внезапно, без единого выстрела, или одной отдельной перестрелки. Оттуда мы перешли в лагерь, который был в одном из мест около озера Кинерет, и который не был упорядочен так, как этого желал наш командир. По этой причине мы вычистили и обустроили это место до прохода в ворота лагеря нашей роты; нас было всего восемь человек; командование осуществлялось в то время посредством нашего общего собрания.

*ФОТО: КОМАНДИР ЧЕРЕЗ РУПОР ДАЁТ ИНСТРУКЦИИ ГРУППЕ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЦАХАЛ*

ФОТО: ГРУППА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЦАХАЛ

ФОТО: ГРУППА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЦАХАЛ

ФОТО: ГРУППА СОЛДАТ ЦАХАЛ В СТРОЮ С ПОЛНОЙ ВЫКЛАДКОЙ

МОЁ ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ АРМИИ

Жаркие дни того лета вызвали вспышку пожара; мы все гасили этот пожар; в результате этого я получил ожог плеча и левой руки. В это время после совещания вернулось наше командование вместе с командиром роты, который приказал своему водителю немедленно отвезти меня в больницу «Пория» в городе Тверия. В этой больнице я лежал с 40–градусным жаром, измученный от боли, и, разумеется, только на животе по причине того, что я не мог лежать на моих ожогах. Я не забуду великодушие моего командира, который изо дня в день приходил навещать меня, и ни разу с пустыми руками. С командиром прибывал старший сержант, который читал мне вслух приказы по лагерю на каждый день. Во время своего ухода командир всегда отдавал честь мне и каждому из лежавших со мною в палате.

ФОТО: Я В ПЕРИОД МОЕЙ ГОСПИТАЛИЗАЦИИ В БОЛЬНИЦЕ «ПОРИЯ»

Из больницы я вышел закутанный в бинты, и вернулся в лагерь; там меня ожидал командир роты. Мне было передано, что наша бригада расформирована, а солдаты направляются в разного рода другие подразделения. Мой командир передал мне, что он действует для моего освобождения из армии, а также он позаботился о работе для меня у отца сержанта из нашего подразделения, Ади Гутраймана, у которого была столярная мастерская в Хайфе.

Правду говоря, я не относился серьёзно к вопросу работы; во главе моих интересов было только освобождение от службы в армии; и так я и разлучился с «отцом и командиром» при демобилизации.

Я прибыл в город Нетанию с несколькими лирами в кармане, которые я получил при демобилизации; я получил от коменданта города семь дней ночлега бесплатно, а затем за плату, которая была очень велика. Я попросил у человека из администрации города место ночлега вместе с ещё двумя солдатами в одном из барачков, расположенных в прежнем лагере; однако он не согласился дать мне ключ из-за моей партийной принадлежности. Я не уступил и проигнорировал это до тех пор, пока он не сдался, и не согласился дать нам ночевать там за платёж в размере 75 лир в месяц.

ФОТО: Я НА ФОНЕ БАРАКА В НЕТАНИИ

В поисках работы я записался в бюро по трудоустройству, и из-за безвыходного положения я вышел работать на строительство набережного шоссе. Так я проработал 7 рабочих дней, и получил платёж по 2 лиры и 30 грошей за день, факт, который очень облегчил моё положение. Я был записан в бюро по трудоустройству как столяр до моего входа в кибуц «Лагерь репатриантов»; там я занимался столярным делом на протяжении 50 лет до выхода на пенсию.

В то время экономическая ситуация в кибуце была тяжёлой; все работали по девять часов в день, и так продолжают работать по сей день. Я получил к себе хорошее отношение; однако я не умел говорить на языке иврит, а они не соглашались говорить со мной на другом языке. Они всё время заботились о том, чтобы исправлять мои ошибки, факт, который я принял с пониманием и осознанием благодарности; таким образом, я продвигался в изучении иврита.

Благодаря членам кибуца я изучил все методы работы в кибуце, с которыми я не был знаком, и так я сам быстро акклиматизировался и прижился, а затем превратился в воспитателя новичков, присоединяющихся к кибуцу.

Я не помню ни одного случая, чтобы я был участником спора с кем – либо на моей работе; каждая вещь и каждое обстоятельство в кибуце были приемлемы для меня. Когда я должен был выполнить что – то и не знал, каким образом выполнить это, я пользовался помощью членов кибуца; с их помощью я изучил тайны профессии столяра.

В 1999 году, когда мне исполнилось 74 года, наши пути разошлись; но до настоящего времени дружественные отношения между нами оставались прочными; и каждый раз, когда они приглашают меня, я посещаю их.

В 2001 году меня известили о том, что последний из столяров – старожил, к которым я был так привязан, скончался. Разумеется, я принял участие в похоронах, а также произнёс надгробную речь над его могилой, из почтения и величия образа этого человека, которого так больно мне потерять. Все проливали слёзы, как и я; я вновь потерял человека, от потери которого мне было больно.

СОЗДАНИЕ СЕМЬИ В ИЗРАИЛЕ

В 1952 году я вошёл в брачный союз с Ривкой – брак, статус которого

поддерживался 39 лет. Этот брак не удался, и, как уже было сказано, через 39 лет мы развелись. Однако я утешаюсь тем, что у нас родились три дочери на славу: Хана, проживающая в настоящее время в Эйлате, Шани и Рахель, обе проживающие в Нетании. От моих дочерей я удостоился внуком – Галь и внучкой – Эдэн.

Несмотря на развод, мы пунктуально проводим все семейные события, при полном присутствии всех членов семьи. На все праздники и семейные события мы все собираемся вместе, и тогда Ривка готовит её блюда, известные и любимые всеми.

В моей нынешней повседневной жизни я часто вижу с Ривкой; регулярно вижу и провожаю в школу каждый день Эдэн; Галь проживает и обучается в «Герцлия», и в будущем году он намерен закончить учёбу («Герцлия» – еврейская гимназия в Тель-Авиве).

ФОТО: РИВКА И Я В ДЕНЬ БРАКОСОЧЕТАНИЯ

Теперь я провожу своё время дома, и занимаюсь разного рода работами. Иногда я помогаю людям в разного вида ремонтах, главным образом пожилым людям; разумеется, у меня нет высокой цены за мои услуги, всё ради помощи и занятости.

ФОТО: ШЛОМО С СЕМЬЁЙ НА ФОНЕ КЛУМБЫ С ЦВЕТАМИ

Здоровье уже не такое, каким оно было в прошлом. Желание сохранить мои воспоминания привело к решению о том, что имеет смысл, чтобы я начал писать воспоминания о моём прошлом, далёком и переполненном событиями, чтобы последующие поколения, мои дочери и внуки, узнали и познакомились хотя – бы немного с их наследием. Задача писания на иврите не легка для меня из-за того, что я никогда не учил иврит в систематической упорядоченной форме; поэтому я воспользовался помощью внука в напечатывании написанного.

В дополнение к моим занятиям, о которых я написал ранее, я рисую и вырезаю из дерева в свободное время, и я горжусь тем, что успел выполнить много работ, которые останутся моей семье.

ФОТО: ТРИ ДОЧЕРИ ШЛОМО В ДЕТСТВЕ (ВЫСТРОЕНЫ ПО РОСТУ)

В настоящее время мне уже около 80 лет, и самым большим удовольствием, которое есть у меня, является то, что я провожаю в школу мою любимую внучку Эдэн каждое утро; моя любовь к ней сопровождает меня всю мою жизнь.

Больше всего болит мне то, что я не удостоился увидеть моего брата, который моложе меня на три года. Он скончался от язвы желудка ещё в 1980 году; я уверен, что в Израиле его вылечили бы от его болезни – это та болезнь, которая годами ранее забрала нашу мать. Мой брат не удостоился

увидеть его дочерей, Риту и Свету, с их мужьями и с их детьми, которые объединились со мной при их репатриации в Израиль из России в 1991 году. Как старший брат я соблюдал за собой право быть им отцом в соединении их с лоном моей семьи, которую я создал в Израиле, и в немалой степени облегчить их обустройство в Израиле.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СССР И ВСТРЕЧА С МОИМ БРАТОМ МЕНДЕЛЕМ

Как я уже отметил ранее, я разлучился с братьями, которые остались в СССР. Однако у меня была с ними связь до моего отъезда из Польши, и последнее из писем, полученных мною, было в 1946 году – время моего выхода в дорогу ради репатриации; я был поглощён своим спасением и переездом в Израиль.

С прибытием в Израиль я занимался их поиском через друзей и посредством различных учреждений по установлению местонахождения родственников, но безрезультатно. Единственная связь, которая была у меня, это связь с сыновьями моих дядей из Аргентины (с двоюродными братьями). В 1980 году я получил взволнованную телеграмму от моей двоюродной сестры из Аргентины. Там было написано, что мой родной брат опубликовал объявление в газете в Аргентине с помощью человека, репатрировавшегося в Израиль, и который разыскивает меня, а его имя в Израиле – Барух Дорон. Всё, что оставалось мне сделать, было удостовериться в том, кто он, этот человек, и где его можно найти. С этой целью я прибег к помощи Исраэля Шая, который посредством своих связей нашёл для меня местонахождение этого человека и его адрес уже на следующий день (Исраэль Шай – сотрудник ШАБАК, Общая служба безопасности Израиля). В беседе, которую я провёл с этим Барухом Дороном, выяснилось, что он не мой брат. Барух Дорон репатрировался в Израиль в 1973 году. Просто мой брат попросил его найти меня в Аргентине; мой брат предполагал, что я там проживаю. Для этого мой брат снабдил его моей фотографией, которую он отрезал от нашей общей фотографии. Так была установлена связь с моим братом; с получением первого письма у меня была великая радость, особенно из-за того, что увижу лица моих братьев. Однако во втором письме мой брат известил меня о смерти нашего брата; и так вновь радость была разбавлена грустью.

Все события того времени, которые я представляю себе как время смены власти и приход либерализации в СССР, дали возможность свободного общения и передачи информации в свободной форме (речь идёт о приходе к власти М. Горбачёва, и о начале перестройки в СССР с 1985 года).

В 1987 году была организована делегация израильских коммунистов, которая выехала на съезд коммунистов в Москву. Я воспользовался всеми моими возможностями, и с большими усилиями мне удалось побеседовать с этой группой коммунистов, которая должна была выехать в СССР в августе.

С согласия организаторов этой делегации я присоединился к ним.

Мы прибыли в Москву уже в ночное время, и были поселены в гостиницу, «пять звёздочек». Первое, что я сделал – позвонил моему брату,

проживавшему в Киеве, и сообщил, что через 10 дней, согласно программе поездки, я буду в Киеве.

Вторая остановка нашей делегации была в Ленинграде, а третья – в Киеве, где проживали мой брат и его жена, ожидавшие меня в аэропорту.

И вновь, тяжело описать эту великую радость, разбавленную грустью и плачем, моим, и даже членов этой делегации, которые стали свидетелями этой исторической встречи. Это было впервые, что я увидел вновь моего брата после 41 года разрыва.

ФОТО: ВСТРЕЧА С МОИМ БРАТОМ МЕНДЕЛЕМ, С ЕГО ЖЕНОЙ, И С РИТОЙ, ДОЧКОЙ МОЕГО ВТОРОГО БРАТА

В ознаменование нашей волнующей встречи мой брат устроил банкет. Было много приглашённых, и среди них присутствовала вдова моего брата, который скончался ранее, и две их дочери: первая – замужняя, с сыном и с дочерью, в сопровождении мужа, и вторая, более молодая.

Приглашённые подняли много вопросов, и чтобы ответить на них, я воспользовался помощью моего брата из-за трудностей, которые вызвал у меня местный язык.

Самым ярким и зрелищным событием этого вечера была демонстрация фотографий, привезенных мной из Израиля, которые переходили из рук в руки, и которые вызвали большое удивление. Я объяснил им, что Израиль – это не «пустыня», а современное государство, как любая другая западная держава.

*ФОТО: МОГИЛА МОЕГО БРАТА МОШЭ ЛЭЙБЛА
(ШЛОМО С БУКЕТОМ ГЛАДИОЛУСОВ У МОГИЛЫ БРАТА НА
КЛАДБИЩЕ БЕРКОВЦЫ В КИЕВЕ)*

Одна из фотографий, которую разглядывал мой брат, была сделана на вечерней трапезе в первый день Песаха, которую я провёл с моей семьёй в Израиле, когда я сижу во главе стола. Брат сказал, что это фото напомнило ему картину детства, врезающуюся ему в память: наша семья сидит вокруг стола, подобно тому, который на этом фото, а наш отец восседает во главе стола точно так, как я сидел на этом фото, но наш отец сидел на подушечке. Эта картина нашего детства, которую вспомнил мой брат, была настолько точной, что я не смог удержать слёз; брату было только четыре года на момент той трапезы на тот Песах, и как это может быть, что он помнит это?

После пяти дней, в которые я провёл время с моей роднёй, этот визит подошёл к концу, и я должен был возвратиться в Израиль.

Я уезжал с ощущением того, что нет человека, более счастливого, чем я; у меня есть прекрасная семья!

Из Киева мы поехали в Ригу, потом вернулись в Москву, а оттуда – домой.

Переполненный глубокими впечатлениями и рассказами, я вернулся в Израиль; однако одно из дел, которое очень волновало меня, было то, что

один из гостей на банкете у брата дал мне письмо, и попросил разыскать его брата, и передать ему это письмо. Разумеется, я выполнил его просьбу; я разыскал его брата, и передал ему это письмо; и насколько же велико было его волнение при получении этого письма!

ФОТО: ДВА МОИХ БРАТА, ВЗРОСЛЫЕ, В СССР

Я вернулся к повседневной жизни, и в ходе этого времени прошёл через разрушение моей семьи, о чём трудно рассказывать обычными словами. Но я ощущал чьё – то отсутствие, нехватку кого – то, и тогда, к моей радости, я получил письмо от дочери покойного брата, в котором она просила меня выслать им визы, чтобы они смогли репатриироваться в Израиль.

Просьба о визах, общая для девяти душ и пропитанная мотивацией, была возложена на меня; из-за этой важной задачи я поехал в учреждения Еврейского агентства «СОХНУТ» в Тель-Авиве, и всё устроил.

ФОТО: ФОТОГРАФИЯ, КОТОРУЮ МОЙ БРАТ ДАЛ БАРУХУ ДОРОНУ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ НАЙТИ МЕНЯ (НА ФОТО – ШЛОМО В ЮНОСТИ)

ФОТО: ПИСЬМО, КОТОРОЕ Я ПОСЛАЛ БАРУХУ ДОРОНУ ПОСЛЕ ТЕЛЕФОННОЙ БЕСЕДЫ С НИМ

15 сентября 1980 года.

Большой привет тебе и твоей семье, господин Барух!

Извини меня, но с тех пор, как мы вышли на связь, у меня нет душевного покоя; мне кажется, что я что-то забыл. Я не помню, дал ли я мой адрес, и есть ли что-то новое – я очень и очень хотел бы знать. Во время нашего телефонного разговора я попросил тебя, сможешь ли ты приехать посетить нас, и ты сказал «Да». Если так, то можешь ли ты посетить нас на праздник Суккот? Я надеюсь, что ты не работаешь в этот праздник. По-правде говоря, поехать в будний день в Беэр – Шеву, когда ты находишься дома только после 5 вечера – это немного поздно; я понимаю, что ты нуждаешься в отдыхе; также и для меня это тяжело из-за длинной дороги, и я не знаю, как будет с транспортом, чтобы вернуться. Если да, то я прошу – дай мне ответ письменно или по телефону.

Номер моего телефона: 053 – 34967.

Мой адрес: ул. Гордон 38, город Нетания. С благодарностью тебе –
Шломо Бабин и моя семья.

РЕПАТРИАЦИЯ И ОБУСТРОЙСТВО В ИЗРАИЛЕ МОЕЙ РОДНИ

В 1991 г. в Израиль прибыли новые репатрианты – Рита, старшая дочь моего брата Мошэ Лэйбла, и члены её семьи. Началась их борьба с трудностями. Вначале они проживали на квартире вместе с ещё одной семьёй в городе Холон; в этой квартире была большая теснота. Дочь моего брата

Рита нашла работу в ресторане – вначале как уборщица, а затем как официантка. Её муж Саша нашёл место чернорабочего, а после этого он работал на пищевой фабрике. Даже сын Риты Максим 12-и лет помогал семье, работая посыльным в овощном магазине. Дочке Риты Маше в то время было лишь 6 лет. Мать Саши тоже укрепляла экономику семьи тем, что работала уборщицей в юридической конторе. Приспосабливание к новой стране сопровождалось множеством трудностей. Однако тот факт, что я смог быть там для помощи и поддержки, поднял мой дух, и помог мне выйти из депрессии, охватившей меня в результате распада моего брака. В тот период я часто приезжал навестить их. В один из приездов я случайно увидел тетрадь, и в ней – перечень их общих расходов; единственный вопрос, поднявшийся в моей голове, был – каким образом 5 душ могут прожить с таким бюджетом? Но, несмотря на это, им удалось сделать невозможное! Им удалось перейти на другую квартиру, тоже арендованную ими, и устроиться в ней до настоящего времени.

Во время моих частых визитов я поднимал много разных вопросов. В один из приездов я спросил – обрезан ли Максим, которому было уже 12,5 лет; я получил отрицательный ответ (обрезание крайней плоти – знак союза с Всевышним на теле иудея). Я объяснил им важность этого дела, и через короткое время Максим прошёл обрезание в больнице «Вольфсон», за полгода до его бар-мицва (религиозное совершеннолетие).

Незадолго до прихода его бар-мицва я начал готовить Максима для восхождения к Торе (восхождение к Торе и произнесение благословений на чтение Торы перед свитком Торы и перед молящимися в синагоге). Я начал готовить к этому Максима вместе с соседом по имени Давид, который умел говорить по-русски. Для этой церемонии у нас был выбор – провести её во вторник или в четверг; мы выбрали для этой церемонии четверг, так как в этот же день праздновался День независимости государства Израиль. Эта церемония была проведена в синагоге, выбранной Давидом; благословения были написаны Давидом русскими буквами, и «жених радости» прочитал их вслух, стоя перед арон-а-кодэш, в котором находился свиток Торы (арон-а-кодэш – специальный деревянный шкаф для хранения свитков Торы).

Атмосфера была чудесной на банкете, который был проведен на квартире семьи Риты в честь бар-мицва Максима. Большинство приглашённых были выходцами из России, для которых пение и песня являются неотъемлемой частью их культуры. Празднование продолжалось до глубокой ночи. Приглашённые расставались с членами семьи с пожеланиями счастья и удачи, а затем – один за другим – они с миром разошлись по домам.

При написании этих строк я чувствую долг с похвалой оценить помощь Давида; если бы не его помощь – я не знаю, каким образом мы бы сумели успешно пройти церемонию восхождения к Торе (Тора – первые пять книг Библии). Заслуживает похвалы и поведение Раи, покойной жены Давида, которая тоже много помогла тем, что научила Риту делам еврейской веры и традиции, в том числе важности зажигания субботних свечей, а также помогла ей в изучении языка иврит.

Я вижу в климате семьи дочери моего покойного брата Мошэ Лэйбла одно из самых больших достижений, которые я добился за годы моей жизни – я выполняю роль моего брата в моём служении дедушкой для Максима и Маши.

Обустройство семьи Риты проходит успешно. Саша работает инженером по компьютерам. Рита работает в бюро путешествий. Её сын Максим завершил службу в армии, и теперь работает и учится; в апреле будущего года он собирается жениться. Дочь Маша служит в армии, и мы уже видим воинское звание на её погонах.

ОБРАТНО В ГОРОДОК МОЕГО ДЕТСТВА

В отношении меня – кажется, что я уже выполнил свой долг для членов моей семьи (и для живых, и для мёртвых). Завершая этот круг, и подходя к концу этого пути, я принял участие – под давлением моих дочерей – в делегации, которая организовалась для поездки в Польшу. Целью этой делегации было открытие монумента в память тех евреев, которые были убиты в Холокосте.

Я согласился на моё участие в этой делегации; но более важным для меня в этой поездке было разыскать и установить место захоронения моего отца и моего старшего брата, расстрелянных и убитых нацистами в дни той войны.

Организаторы делегации откликнулись на мою просьбу, и таким образом я поехал в сопровождении тридцати человек на двухнедельный срок. После трёх часов полёта мы приземлились в Варшаве, и уже на следующий день мы поехали в направлении моего городка. По дороге туда я сидел в автобусе на той же стороне салона, где был польский гид, сопровождавший нас на протяжении всего этого срока. Этот гид, который был человеком молодым и приятным, не был евреем, и всё это время мы свободно беседовали – на польском, разумеется. Этот гид рассказал мне о своей жизни; выяснилось, что он родился в том же местечке, где и я, и на сегодняшний день служит тем, что пишет в местной газете.

ФОТО: Я В КОМПАНИИ ПОЛЬСКОЙ СЕМЬИ НАШЕГОГИДА

Одной из вещей, которые он написал, была книга, рассказывающая об этом местечке, и о вызывающих дрожь подробностях истории; я нашёл, что эта книга – большое дело, сделанное нашим гидом. Во время беседы с ним я рассказал ему про школу, в которой я учился в детстве, а также подробно изложил в его присутствии имена учителей. Этот факт поразил его тем, что эти мои подробности полностью соответствовали написанному в его книге. Он обещал подарить мне эту книгу позднее.

ФОТО: Я И ДРУГ ДЕТСТВА МОЕГО СТАРШЕГО БРАТА, УБИТОГО НАЦИСТАМИ; Я СЛУЧАЙНО ВСТРЕТИЛ ЕГО. А ПОЗАДИ НАС ШКОЛА, В КОТОРОЙ Я УЧИЛСЯ В ДЕТСТВЕ

На вопрос – известно ли мне место убийства евреев нашего города – я ответил положительно. Я пересказал тот рассказ, который поведал мне человек, встреченный нами во время наших скитаний по дорогам Польши. Этот человек тоже был угнан вместе с евреями из нашего города, но спасся благодаря тому, что он был католик. Прибывши в тот посёлок, мы начали расспрашивать людей про место убийства 280 евреев; нам сказали, что это место называется «поплава стальцька гуре». Нас отвезли на это место – пустынное и необитаемое, посреди открытого поля; это место было голым – ничего не росло на нём.

Наш гид спросил у меня, хочу ли я побыть один, и остаться наедине с моим отцом и старшим братом; я ответил положительно. Я остался там, и воззвал к Б-гу в молитве «Кадиш», в молитве скорбящего... Перед тем как уйти, я сфотографировал это место, и затем вернулся к моей группе. При моём возвращении к ним я обнял нашего гида со слезами на глазах...

Мы возвратились в автобус, и оттуда продолжили поездку к месту монумента убитым евреям. Там была организована церемония, в которой участвовали также евреи, прибывшие из Америки, и были произнесены речи на трёх разных языках.

По окончании этой церемонии мы были приглашены мэром этого города в зал для торжественных событий; там прошёл торжественный приём. К нашему прискорбию мы выяснили, что на сегодняшний день в этом городе уже не живёт ни один еврей.

После того, как мы прошли через эту церемонию, мы расстались как представители тех 3500 евреев, которые остались в живых на просторах Польши после войны.

При расставании наш гид называл меня «Тато»; значение этого польского слова – Папа; он пообещал мне, что приедет посетить меня в Израиле.

ФОТО: МЕСТО, НА КОТОРОМ БЫЛИ УБИТЫ МОЙ ОТЕЦ И МОЙ БРАТ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Повторное переживание в моей памяти всего того, о чём написано в этой книге, произвело во мне огромное облегчение и ощущение успеха тем, что мне удалось задокументировать и увековечить историю моей семьи.

В последнее время мы стали свидетелями нового подъёма антисемитизма и в Германии, и во всём мире. При каждой возможности это антисемитское движение требует и принуждает отрицать произошедший Холокост и уничтожение миллионов евреев.

Моя надежда состоит в том, что история моей семьи, подобная историям всех жителей моего города Вышкува, что в Польше, расскажет, и увековечит, и создаст вечное свидетельство, которое будет противостоять всем этим отрицающим геноцид еврейского народа, который был осуществлён в дни второй мировой войны.

ШЛОМО БАБИН.

Примечания переводчика

- 1) Автобиография Шломо Бабина была записана его внуком в Израиле в 2003 году, и была издана на иврите в 2005 году – к восьмидесятилетию со дня рождения автора.
- 2) Шломо Бабин умер в 2011 году в Израиле.
- 3) По просьбе Менделя, самого младшего из братьев Бобек, в 2015 году был сделан перевод этой книги с иврита на русский язык.
- 4) Мендель, самый младший из братьев Бобек, с благодарностью молится за всех тех людей, которые помогли уцелеть и выжить его семье, а также десяткам тысяч других беженцев, спасавшихся от рук нацистов.
- 5) При переводе на русский язык были исправлены опечатки и неточности, допущенные при издании этой книги на иврите, а также добавлены объяснения религиозных терминов, исторические справки, и пояснения местных особенностей.
- 6) Перевод на русский Александра Лаповского. Киев, август 2015 года.